

Слово о Чехове. Доклад писателя В. Катаева // Вестник.
Торонто, 1960. 10 февраля. № 1895. С. 3; 13 февраля. № 1896. С. 3.

Слово о Чехове

ДОКЛАД ПИСАТЕЛЯ В. КАТАЕВА

29 января в Большом Московском театре состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения А. П. Чехова.

Торжественный вечер открыл вступительным словом председатель юбилейного комитета, первый секретарь правления Союза писателей СССР К. Федин.

С докладом "Слово о Чехове" на вечере выступил писатель В. Катаев. Ниже помещаю доклад В. Катаева.

Двадцать пять лет назад в Таганроге в чеховские дни Мария Павловна, сестра Чехова, рассказывала мне о том, как работал Антон Павлович.

Этот рассказ навсегда врезался мне в память.

— Антоша!

— Не слышишь?

— Антошенька! Посмотри на часы. Уже полчасца восьмого.

— Погоди, Машенька.

— Опоздаем в театр.

Молчит.

А сам все пишет. Быстро. И не смотрит на бумагу. Шен вытнутая. Глаза неподвижно устремлены, куда-то вдаль, широко открыты и светятся, как плашки.

Мария Павловна именно так и сказала: как плашки.

Удивительно живо представлялась вся картина: пишущий Чехов с глазами, как плашки. В это время он ничего не видел и не слышал вокруг себя. Все происходило в нем. Это была таинственная, сокровенная минута перевоплощения — самое драгоценное свойство подлинного художника.

Без этого дара перевоплощения, когда художник является в одно и то же время и творцом, и собственным творением, — писатель, как бы талантлив он ни был, никогда не станет

великим.

Антон Чехов был писатель великий. У него был врожденный дар перевоплощения.

Он вышел из низов. Из самой гущи народной. Его дед был крепостной.

"Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости", — писал Чехов Суворину, обобщая судьбу целого поколения русской разночинной интеллигенции, вышедшей из народа. — Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лаовник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеценный, ходивший по урокам без калаша, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдвигался из себя по каплям раба и как он, прорвавшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая".

Вот чего страстно желал, вот что неутомимо проповедовал Чехов, во имя чего жил: чтобы в жилах людей текла не рабская кровь, а настоящая человеческая!

Это была основная тема его творчества.

Подобно другому русскому человеку из гущи народной — Ломоносову, Чехов не только "выбился в люди", как приняло бы высокомерно говорить о таких талантах из низов, но стал гордостью русского народа, нашей лучшей славой, на-

ряду с Пушкиным, Гоголем, Толстым, Достоевским.

На любви к Чехову сходятся люди самых различных, а подчас даже и прямо противоположных вкусов. Он признан всеми. Мне еще никогда не встречался человек, который сказал бы, что ему не нравится Чехов.

При мне спросили Маяковского, кого он любит больше всего из русских писателей, и он, не задумываясь, сказал: Чехов!

В этой связи я вспомнил другое высказывание Маяковского о Чехове, еще до революции, когда совсем юный Маяковский считал себя футуристом и по молодости лет ниспровергал "с Парохода Современности" Толстого, Достоевского, Пушкина и других классиков.

Вот что, между прочим, говорилось в статье Маяковского "Два Чехова", где он достойно приветствовал Чехова как одного из династии "Королей Слова".

"Понятие о красоте остановилось в росте, оторвалось от жизни и обявило себя вечным и бессмертным..."

А за оградой маленькая лачужка выросла в пестрый и крикливый базар. В спокойную жизнь усадьбы ворвалась разногласная чеховская толпа адвокатов, акционных, приказчиков, дам с собаками...

Под стук топоров по внешнему садам распродали с аукциона вместе с гобеленами, с красной мебелью в стиле полуторы дюжины людовиков, гардероб изношенных слов".

Здесь Маяковский явно имел в виду знаменитый "многочисленный шкаф".

"Из-за привычной обывательской фигуры ничем недоловой натыка, — пишет далее Маяковский, — ходатая перед обществом за "смешных" людей, Чехова — "певца сумерек", выступают линии другого Чехова — сильного, веселого художника слова".

Как видите, молодой Маяковский со свойственным ему своеобразием выступил на защиту памяти Чехова от тех критиков, которые всю жизнь мучили Чехова, называя его "нытиком", "певцом сумерек", "хмурым человеком" и прочими вздорными определениями.

Самое замечательное заключается в том, что мнение Маяковского о Чехове оказалось весьма близким по духу к пониманию Чеховым самого себя.

"Мое святое святых — это чеховское тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь", — говорит Чехов в письме поэту Плещеву и заканчивает так: "Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником..."

Чехов в этом еще сомневался!

Он был не просто большим художником. Он был художником громадным. Гением. И, естественно всегда твердо держался своей благородной программы, которая жила в мире и поньше.

Интересно мнение о Чехове и Анри Барбюса. Однажды он спросил меня, каких из французских писателей я ставлю выше всего. Я назвал несколько прославленных имен, в том числе Мопассана.

— Мопассан! — воскликнул Барбюс в сильнейшем волнении. — Нет, вы шутите. Как! Вы, русский, можете назвать великим писателем Мопассана, в то время как у вас есть такой действительно великий, действительно гениальный, ни с чем не сравнимый писатель, как Антон Чехов!

А ведь еще на моей памяти считалось большим комплиментом Чехову, когда говорили, что он русский Мопассан.

Русский читатель признал и любил Чехова прежде, чем современная критика поняла его истинные масштабы. Даже после смерти писателя в эн-

циклопедии "Просвещение" в статье профессора Скабичевского, который прославил своим полным непониманием значения Чехова, Антон Павлович квалифицирован всего лишь, как "известный беллетрист".

Невероятно, но это так!

Будучи писателем всемирным, Чехов прежде всего писатель русский. В нем соединились все лучшие качества русского национального характера: ум — широкий, свободный, независимый, гордый, правдолюбивый, неугасимое стремление к истине, горячая любовь к своей родине и к своему народу, бескорыстное, подвижническое служение этому народу.

И, конечно, — поразительный талант.

Все эти качества позволяли Чехову не только очень глубоко, до самого дна проникать в самую суть всех явлений жизни, но и осветить их бесстрашно ярким светом своего разума, без чего художник не в состоянии создать сколько-нибудь достоверные характеры, а тем более картину общества.

Говоря о писательском таланте, как теперь принято говорить, "мастерстве" Чехова, я имею в виду ту высшую простоту, скромность художественных средств, которые в руках подлинного художника стоят гораздо дороже самых изысканных словесных построений и метафор, многозначительных архаизмов и кустарных подделок под якобы народную речь в духе чеховского Епиходова, — словом, без всего того ложно художественного, что многие критики и до сих пор еще продолжают самозабвенно называть "сочно", "красочно" и чего, по свидетельству Ивана Бунина, Чехов терпеть не мог.

"...красочно" — ведь они же не знают, что у художников это бранное слово!" — говорил Чехов.

В смысле простоты изображенных средств и в первую очередь языка со всей его возможной точностью, краткостью и ясностью Чехов является продолжателем лучших образцов классической русской прозы, которые нам подарили Пушкин и в особенности Лермонтов в "Герое нашего времени".

Недаром же Чехов так восхвалял "Таманью", считал ее лучшим русским рассказом.

Кроме Льва Толстого, никто из современных Чехову писателей не мог сравниться с ним по силе языка и вместе с тем по его удивительной прозрачности, почти неошутимости, в чем, как мне кажется, Чехов зачастую превосходил даже самого Толстого.

Чехов был новатором в области литературной формы. Подобно тому, как Пушкин преобразовал русский стих, приближая его к живой разговорной речи, так же и Чехов преобразовал русскую прозу, сделал ее язык более сжатым, емким, почти стереоскопически объемным и также еще более разговорным, демократическим, народным.

Его новаторство, между прочим, заключалось также и в том, что он не усложнял тех элементов русской прозы, которые были выработаны до него целыми поколениями писателей, и не привносил в художественную ткань различные изобразительные красоты и излишества, а, напротив, строгаеиш оцинал язык от всего лишнего, в течение многих лет нарощенного на нем, как ракушки на киле корабля. Как бы это лишнее ни казалось красивым, «заманчиво-художественным», Чехов его беспощадно устранял, оставляя только то, что было абсолютно необходимым.

Этим и объясняется та волшебная легкость, с которой каждая созданная Чеховым фраза, каждая мысль доходит до сознания читателя и мгновенно усваивается, не требуя от читателя никакого дополнительного умственного напряжения. Нет ничего лишнего. Оттого-то Чехов, как принято говорить, так "легко читается". Чем проще, тем легче.

Эта высшая простота — плод неутомимого писательского труда, громадного творческого усилия. Она дается лишь истинному таланту.

Известно, как нежно любил Чехова Лев Толстой. По его мнению, никто не двинул русскую прозу так далеко вперед, как Чехов. Толстой называл Чехова Пушкиным русской прозы. До настоящего времени еще никому из русских писателей не удалось в области формы пойти дальше Чехова.

Он достиг величайшего совершенства в умении слить два элемента художественной прозы — изобразительный и повествовательный — в одно общее целое. До Чехова повествование и изображение, обычно даже у самых тонких мастеров, например Тургенева, за исключением разве Толстого и Достоевского, почти всегда чередовались, не сливаясь друг с другом. Описание шло своим чередом, повествование — своим: одно после другого.

У чеховского Тригорина, наблюдательного беллетриста, облако похоже на гелиотроп. Неудно. Пахнет релиотропом: приторный запах, двоякий цвет. Двоякий цвет — совсем хорошо. Даже отлично. Наконец, известное тригоринское описание лунной ночи на платине блескит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса. Вот там и лунная ночь. Ничего не скажешь. Похоже. Ну и что же? Перифразировать знаменитое изречение Гете по поводу похожего нарисованного мопса; можно сказать: одной лунной ночью больше, только и всего.

(Окончание следует)

Слово о Чехове

ДОКЛАД ПИСАТЕЛЯ В. КАТАЕВА

(Окончание *)

Но Чехов не Тригорин. У Чехова изображение лунной ночи настолько тесно слито с повествованием о движении человеческой души, с течением жизни, что уже представляет собой не просто неподвижную картину, пейзаж, а нечто неизмеримо большее и качественнее совсем другое.

Например, чеховская лунная ночь из повести "Три года". Здесь нет ни шеголовской подробности разбитой бутылки, отражающей луну, ни припороженного запаха гелиотропа.

Просто: "Ночь была тихая, лунная, душная; белые стены замосковрежских домов, вид тяжелых запертых ворот, тишина и черные тени производили в общем впечатление какой-то крепости, и не хватало только часового с ружьем. Цвела черемуха... среди двора лежала черная собака..."

Все удивительно скромно, буднично. Но дело в том, что все это пропущено через душу героя повести Лоптева, слитое с его мыслями, чувствами, даже черная собака посредля заднего лунным светом двора, которая, как сказано, у Чехова, "валялась на камнях, а она шла в поле, в лес, где бы она была независима, радостна. И ему (Лоптеву — В. К.) и этой собаке мешало уйти со двора, очевидно, одно и то же: привычка к неволе, к рабскому состоянию..."

В этом поразительном слиянии изобразительного с повествовательным — одно из открытий Чехова.

У Чехова почти никогда не бывает безлюдных пейзажей. У него пейзаж слит с челове-

Чехов создал громадную галерею типов и характеров всех классов современного ему общества.

С поразительной достоверностью он изображал мужиков и помещиков, министров и белозшеев, офицеров, жандармов, купцов, рабочих, капиталистов, священников, лакеев, хористов, кондукторов, матросов и великое множество прочих жителей Российской империи.

При этом каждый человек, как бы мало ему ни было отведено автором места, — не условная фигурка, не иероглиф, а подлинный, живой, многогранный человеческий характер, общественное явление со всеми своими большими или малыми противоречиями, с неповторимыми чертами и особыми характерными языком.

Понятно, что этого достигнуть простым "изучением действительности" нельзя. Нужно горячо любить свою Родину, свой народ. Будучи человеком из народа, Чехов всегда жил народными интересами, жил для народа.

"...Ведь я не пейзажист только, — говорит чеховский Тригорин, — я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека..."

Можно не сомневаться, что это были и мысли самого Чехова, написавшего в записной книжке:

"Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья..."

Чехов умел и любил изображать хороших, милых людей, мечтающих о прекрасном будущем, любящих писать о чистых сердцах, простых женщинах, о детях, о животных, о птицах. И все к чему ни прикасался его добрая, большая рука, начинало светиться радостной, теплой улыбкой. Но

в основном он, конечно, был художник-разоблачитель. На первый взгляд он кажется мягким, даже лиричным. Но вчитайтесь в Чехова. И даже в самых мягких его вещах вы вдруг почувствуете беспощадную силу сатиры, а силой своей, на мой взгляд, ничуть не уступающей Шедрину или Гоголю, а кое-где и превосходящего их жизненным правдоподобием, художественной достоверностью.

Его сатира зачастую облечена в скромные бытовые одежды. Но тем неожиданнее и сильнее она действует.

При внешне спокойной, даже как бы холоднолатой манере Чехов с такой глубиной и внутренней страстностью вскрывает пороки отдельных людей и всего общества, что иначе, как великим сатириком его не назовешь.

Он рубит под самый корень ненавистный ему мир российской мещанщины, с неслыханной силой он бичует, беспощадно высмеивает человеческую жалость, жестокость, самодовольство, глупость, чванство, бездарность, стяжательство. Он, например, за уши вытаскивает на свет божий и показывает всему миру опасного тупица, дьявольски живучую — развядность "лапообразных" в лице профессора Серебрякова, который, как об этом в отчаянии восклицает несчастный дядя Ваня, "ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом злode; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно: значит, двадцать пять лет переливает из пугстого в порожнее". Чехов показывает также страшную и на вид такую безобидную, миленькую мещаночку Наташу из "Трех сестер", а на самом деле беспощадную хи-

щину, исчадие ада, воплощенное мещанство — злобное, воинствующее, изображенное в самом его омерзительном виде. Чехов выставляет на всеобщее обозрение мракобеса, чело-веконенавистника, настоящего современного расиста Рашевича из рассказа "В усадьбе" с его: "В хари! В хари! В хари!" и холодного юриста, петербургского чиновника, консерватора Георгия Орлова из "Рассказа неизвестного человека".

Чехов, конечно, и был революционером. Но дело, которое он делал, — беспощадная критика современного общества и государственного строя, — сыграло, мало сказать, прогрессивную роль, оно оказывало определенно революционизирующее влияние на сознание сотен тысяч и даже, быть может, миллионов его прижизненных читателей.

Молодой Ленин, один из читателей Чехова, прочитав в журнале рассказ "Палата №6", так выразил свое впечатление: "Когда я прочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел: У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6".

Это, быть может, самое драгоценное для нас свидетельство силы чеховского гения.

Художественное сознание Чехова не отставало от жизни, что постоянно случается с писателями среднего таланта. Наоборот. Сознание Чехова почти всегда опережало время. А быть впереди своего времени — это и есть главный признак подлинного художника.

Опережая свое время, Чехов был провозвестником новой, светлой жизни, которую угадывал в будущем.

Он говорил о гармоническом человеке, в котором "должно все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли".

Но в том страшном мире капитализма, в котором жил Чехов, это было неосуществимо.

Нужна была революция. "Здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка", говорил словами чеховского Тузенбаха из "Трех сестер".

Эта буря, эта громада была Великая Октябрьская социалистическая революция с ее бессмертными коммунистическими идеалами. Только, она одна могла превратить раба в свободного, гордого, гармонического человека, о котором всю жизнь так страстно мечтал Чехов.

Однако Чехов не был пустым мечтателем.

Страстная, беспокойная, горячая любовь Чехова к своей родине и к своему народу была не пассивна и не сентиментальна. Это была любовь деятельная, требующая вмешательства художника в жизнь, освещающая все пороки общества для того, чтобы народ мог их познать, познавши — уничтожить.

Чехов не был созерцатель. Он был борец.

Он говорил: "Все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное".

Популярность Чехова не только в нашей стране, но и во всем мире огромна.

За сто лет со дня его рождения в истории человечества произошли такие грандиозные события, как Великая Октябрьская социалистическая революция, две мировые войны, рождение народного Китая, начало распада колониальной системы, расщепление атома, завоевание космоса и множество другого, что можно назвать началом эры коммунизма на земном шаре.

Однако Чехов выдержал испытание временем. Он не только пережил это потрясающее столетие, но слава его небыла вытеснена, что самое замечательное, продолжает расти.

Чехов из писателя нацио-

нального стал писателем всемирным.

Нечего и говорить, как много мы все, вся советская литература, обязаны своим развитием гению Чехова.

Влияние чеховской школы явно ощущается во всем мире. Нет возможности перечислить всех крупных писателей пяти континентов нашей планеты, в той или другой степени испытывавших на себе влияние Чехова. Достаточно назвать таких поэтичных, громадных художников нашего времени, как Томас Ганн, Голсуорси, Мартен дю Гар, Лу Синь и многие, многие другие.

Чехов по-прежнему продолжает учить свой народ и все другие народы мира ненависти мещанство. Он и сегодня бичует стяжательство, грубость, лицемерие, ложь, расизм, чело-веконенавистничество, преклонение перед золотом — все пороки, доставшиеся в наследие от старого мира, время которого не всюду на земном шаре еще истекло.

Богатейшая галерея носителей этих пороков — человеческих типов, созданная Чеховым в его книгах и в его неповторимом новаторском театре, о котором следует говорить отдельно, ежедневно помогает нам распознавать как бы с помощью беспощадного чеховского рентгена ткани мирового общества, местами пороченные, как раком.

Весь мир празднует сейчас радостный день рождения Антона Чехова, великого русского и всемирного писателя — новатора, гуманиста, учителя.

Есть нечто глубоко знаменательное в том, что столетие со дня рождения Чехова отмечают во всем мире сотни миллионов людей, которые хотят, чтобы наша земля была не атомным полигоном, а прекрасным садом и небо было в алмазах, как об этом часто мечтали и чеховские герои, и он сам.

* См. "Вестник" от 10 февраля.